

Приходит весна, и всегда тянет куда-то вдаль наши бродяжьи души. Прямо с городских улиц видны горбатые сопки, и каждый день мы погладываем на их южные склоны. Если они уже оттаяли, освободились от снега, значит, пора собирать походные рюкзаки. «Мы северяне, — сказал один поэт, — и скитанья в пустынных далях любви нам».

Так получилось и сейчас: рюкзаки собраны, ружья почищены, патроны набиты, а впереди три дня выходных. Куда же в этот раз? Где мы ещё не были? А пойдёмка сходим на речку Тушаму! Что нам стоит, молодым и здоровым? Подумаешь, тридцать километров туда да тридцать обратно. Ерунда, и не такие маршруты закладывали! И тут дело совсем не в охоте, она происходит попутно, по мере необходимости. По большому счёту мы исследователи, искатели приключений.

Рано утром, ещё потемну, мы вышли с Усть-Илима. По южным склонам идти одно удовольствие, но не всегда они совпадали с нужным нам направлением. Приходилось буровить, проваливаясь по колено в снегу, по насту северной стороны сопок. В тайге, как известно, прямых дорог нет, и они, как говорят таёжники, самые длинные. Так или иначе, мы вышли к речке Тушаме уже к вечеру, километрах в двадцати от её устья. То есть от реки Ангары. Там, на берегу, и заночевали. Развели костёр до небес, обсушились, поужинали чем Бог послал и блаженно развалились на мягкой хвойной постели.

Утром проверили ледовую обстановку на реке. Уже были забереги двухметровой ширины, открытая вода. Вот-вот должен начаться ледоход. Но нам почему-то очень захотелось побывать на другом берегу реки Тушамы, что-то нас там сильно привлекло. Но если мы перейдём, а потом начнётся ледоход, то будем отрезаны и не сможем вернуться назад обратным путём. Ну что же, тогда придётся добираться до дороги на Кеуль, идти вдоль берега реки до моста. А это лишних двадцать километров. Но это нас не испугало. Бродяги мы опытные, во всяких передрыгах бывали, не впервой. На том и порешили: будем переходить на другой берег реки.

Весной речка Тушаме приличной ширины, да и течение неслабое, плюс ледяная вода. Мы срубили себе крепкие берёзовые жерди метра по три длиной и навели из поваленных деревьев переправу через довольно широкий заберег до льда. «Ну, с Богом!» — сказали оба и, держа жерди поперёк туловища, вышли на потемневший уже лёд. Мой напарник, шаркая ногами, шёл впереди, я страховал сзади. Дойдя до того берега, обнаружили, что заберег здесь ещё шире, чем мы предполагали, и переправы нет никакой. Что делать? Не возвращаться же нам назад? Ведь вот он, берег, от которого нас отделяет метра три бурлящей ледяной воды. Течение здесь действительно было мощным. И решили мы перепрыгнуть полосу воды на шестах, то есть на своих берёзовых жердях.

Мой напарник сначала перебросил на берег ружьё, топор, а вот рюкзак почему-то не снял. Воткнув жердь в дно заберега, отчего она укоротилась наполовину, отступил для разбега немного назад и, оттолкнувшись, взлетел над бурлящим потоком.

Когда жердь встала вертикально, получилась мёртвая точка, и движение туловища моего напарника прекратилось. А не снятый со спины рюкзак довёл дело до логического завершения. Он просто перетянул моего напарника своим весом из мёртвой точки назад, и товарищ шлёпнулся в ледяной поток. Ногами дно он достал, но глубина была по шею, из воды торчала только его голова, а сильное течение затягивало под лёд. Я успел увидеть только его выпученные от обжигающего холода глаза, быстро протянул ему конец своей берёзовой жерди. Товарищ умудрился за неё ухватиться. Вытащить его на лёд я не смог. Что было дальше, помню плохо, но оба мы оказались в воде, как-то барахтались, хватались за жерди и поддерживали друг друга, не давая течению нас унести.

Каким-то образом мне удалось одной рукой ухватиться за кусты у самого берега, другой я держал свою жердь, за которую мёртвой хваткой уцепился напарник. Когда мы с большим трудом всё же выбрались на сухое место, первым делом, стуча зубами от холода, стали разводить костёр, благо спички из моего неприкосновенного запаса всегда были сухими. Как только костёр разгорелся в полную силу и мы, раздетые до трусов, обогрелись, развесили сушиться мокрую одежду, на реке что-то треснуло, и лёд медленно двинулся вниз по течению. А прошло-то всего полчаса, как мы «прыгали с шестами в длину». Напарник посмотрел на меня, а я на него, покачали головами и расхохотались. Домой мы вернулись кружным путём.